

Элизабет Гаскелл

Кузина Филлис
Парижская мода
В Крэнфорде

Элизабет Гаскелл

**Кузина Филлис. Парижская
мода в Крэнфорде**

«Accent Graphics communications»

1864

Гаскелл Э.

Кузина Филлис. Парижская мода в Крэнфорде / Э. Гаскелл —
«Accent Graphics communications», 1864

Талант Элизабет Гаскелл (классика английской литературы, автора романов «Мэри Бартон», «Крэнфорд», «Руфь», «Север и Юг», «Жёны и дочери») поистине многогранен. В повести «Кузина Филлис», одном из самых живых и гармоничных своих произведений, писательница раскрывается как художник-психолог и художник-лирик. Юная дочь пастора встречает красивого и блестяще образованного джентльмена. Развитие их отношений показано глазами дальнего родственника девушки, который и сам в неё влюблён... Что это – любовный треугольник? Нет, перед нами фигура гораздо более сложная. Читателя ждёт встреча с обаятельными, умными и душевно тонкими героями на просторе английских полей и лугов. Юмористический рассказ «Парижская мода в Крэнфорде» – прекрасная возможность вновь окунуться или же впервые войти в полюбившийся многим уютный крэнфордский мир, мир быта и нравов старой доброй Англии.

© Гаскелл Э., 1864

© Accent Graphics
communications, 1864

Содержание

Миссис Гаскелл и её «Кузина Филлис»	5
Кузина Филлис	10
Часть I	10
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Элизабет Гаскелл

Кузина Филлис. Парижская мода в Крэнфорде

Миссис Гаскелл и её «Кузина Филлис»

Недолгую жизнь Элизабет Клегхорн Гаскелл, урождённой Стивенсон (1810–1865), не назовёшь бедной событиями. Как человек она познала радость материнства и горечь многих утрат, как писатель подарила миру пять романов: «Мэри Бартон» («Mary Barton», 1848), «Крэнфорд» («Cranford», 1851–1853), «Руфь» («Ruth», 1853), «Север и юг» («North and South», 1855), «Поклонники Сильвии» («Sylvias Lovers», 1863), «Жёны и дочери» («Wives and Daughters», 1865), – а также несколько повестей, более двух десятков рассказов и ряд публицистических произведений.

Пасторская дочь и супруга пастора (её отец и муж были священниками-унитариями), Элизабет Гаскелл никогда не ограничивала своего жизненного пространства рамками семьи и прихода. Манчестерский дом Гаскеллов посещали крупные общественные и религиозные деятели того времени. Дружеские узы связывали писательницу с выдающимися собратьями по перу: Чарльзом Диккенсом (в его журнале «Домашнее чтение» были впервые опубликованы многие её произведения), Джоном Рёскином, Гарриет Бичер-Стоу и, конечно же, Шарлоттой Бронте (плодом этой дружбы стало написание посмертной биографии автора «Джейн Эйр»).

Творчество «миссис Гаскелл» (именно так, по-викториански официально и буднично, её называли современные ей читатели) поражает неожиданным для «женской» литературы разнообразием тем и красок: «кружевные» описания дамского быта перемежаются с картинами борьбы рабочего класса за свои права, безмятежность – с драматизмом, любовные коллизии переплетаются с социальными и историческими. Наследие Элизабет Гаскелл – это и «индустриальная» проза, где сквозь призму судьбы женщины показаны острые общественные проблемы («Мэри Бартон», «Север и Юг»), и, к примеру, готический «Рассказ старой няньки» («The Old Nurse's Story», 1852). Страницы её книг несут в себе и уважение к людям нового типа, энергичным буржуа («Север и юг»), и грустное любовное предание последними представителями старой аристократии, такими как заглавная героиня повести «Леди Ладлоу» («My Lady Ludlow», 1859). Будучи человеком своего времени, Гаскелл чтит строгие правила викторианской морали, однако ей не раз приходилось шокировать публику обличением косности тогдашних нравов. После выхода в свет романа «Руфь» даже друзья и близкие осудили писательницу за откровенно сочувственное изображение «падшей женщины».

Пожалуй, самым читаемым произведением Элизабет Гаскелл был и остаётся «Крэнфорд» – пронизанное добрым юмором повествование о тревогах и радостях маленьких людей. По общепринятому мнению, прообразом вымышленного городка, давшего название роману, стал Натсфорд (графство Чешир), где прошло детство писательницы (в годовалом возрасте потеряв мать, она воспитывалась в доме своей тётки). Рассказ «Парижская мода в Крэнфорде» («The Sage at Cranford») – изящная юмористическая миниатюра, вполне самодостаточная и вместе с тем предоставляющая поклонникам романа «Крэнфорд» приятную возможность вновь окунуться в полюбившийся им мир старой английской провинции.

На закате викторианской эпохи читатели подзабыли свою «миссис Гаскелл». К её творчеству стали относиться как к сугубо «дамскому» сентиментальному чтиву. Однако во второй половине XX века наследие писательницы вновь обратило на себя внимание ценителей настоящей литературы, которую бессмысленно делить по гендерному признаку. Лучшие образцы

прозы Гаскелл ценны для современной читающей публики не только документальной точностью в описании быта и нравов позапрошлого столетия, но и тонкими психологическими наблюдениями, подлинной художественностью формы, а также вневременной гуманистической направленностью содержания (призывы к веротерпимости и социальной справедливости, неоднократно прозвучавшие из уст автора «Севера и юга», увы, по сей день актуальны).

В 2010 году Элизабет Гаскелл удостоилась высокой и, безусловно, заслуженной чести: памятная табличка с её именем была установлена в «Уголке поэтов» Вестминстерского аббатства, в витражном стекле над могилой Джеффри Чосера.

В настоящем издании вниманию читателя предлагается повесть «Кузина Филлис» («Cousin Phillis»), которую нередко называют вершиной малой прозы Гаскелл. Объём текста невелик, фабула до скупости проста (в её основе лежит на первый взгляд банальный любовный треугольник), и тем не менее автору удалось создать объёмную картину, полную света и ароматного деревенского воздуха. Эта картина небогата событиями, но богата живыми, полнокровными персонажами, принадлежащими к разным поколениям, профессиям и сословиям.

Кругозор, выходящий далеко за пределы гостиной, кухни и детской, позволяет писательнице вести повествование от лица героя-мужчины – юного Пола Мэннинга. Служа на строительстве железной дороги, он видит природу и людей, городской и сельский быт глазами истинного поэта, а бдительная совесть и проницательный ум (Пол действительно умён, хотя и стесняется того, что не получил блестящего образования) заставляют его анализировать глубинные мотивы чужих и собственных слов и поступков. Говоря с читателем устами рассказчика, автор тонко и ненавязчиво вплетает психологические наблюдения в ткань лирического повествования.

Образ молодого Мэннинга сродни образам тургеневских персонажей-мужчин: с первого взгляда полюбив Филлис, он, подобно героям «Аси» и «Вешних вод», испугался своей любви. Однако, сочтя себя недостойным того, чтобы добиваться взаимности, Пол не захотел искоренить чувство, пустившее глубокие корни в его душе. Будь он человеком более эгоистичным, он отстранился бы от пасторского семейства, чтобы не испытывать напрасной боли. Вместо этого он стал близким другом своей кузины и готов был радоваться её соединению с другим.

На тургеневских героинь похожа и сама Филлис. Их сближает многое: умение глубоко мыслить и тонко чувствовать, неханжеская религиозность, полное отсутствие склонности к рисовке и кокетству, неспособность сидеть без дела, сочувственное и уважительное, даже родственное, отношение к простому люду. Так же как Наталья Ласунская и Лиза Калитина, Ася и Елена Стахова, Филлис Хольман всегда верна самой себе и смело следует тому, что исходит из глубины её сердца. Живя в глуши, не слушая светской болтовни и не читая любовных романов, героиня Гаскелл вдруг открыла в себе способность глубоко, искренне и страстно полюбить мужчину. Не испугавшись этого незнакомого чувства, она позволила ему развиваться настолько, что крушение надежд едва не стало для неё смертельным.

Среда, взрастившая Филлис такой, какая она есть, – это почти идиллический мир, первозданная красота которого подчёркивается неоднократным упоминанием «Георгик» Вергилия. В жизни героини нет ничего мелкого, пошлого и суетного. Только молитвы и чтение классиков, хлопоты по хозяйству, прогулки в полях да переключки с лесными птицами. Её окружают благонравные труженики, живущие и возделывающие землю под руководством своего пастора.

Священник, отец Филлис, сперва кажется не столько человеком, сколько воплощением духовной и физической мощи, вместившем всевозможных добродетелей: глубокой религиозности, невероятного трудолюбия, всесторонней образованности, почти сверхъестественной самодисциплины. Поднимаясь в три часа утра, он ни минуты не тратит впустую и даже носит с собой книгу по инженерному делу, чтобы заполнять чтением неизбежно возникающие краткие перерывы в работе, а за каждым днём недели у него закреплён определённый род молитв. И всё

же со временем мы видим, что мистер Хольман – не безликий идеал. Оказывается, он может сердиться (на других и особенно на себя), быть слепым к тому, чего не хочет видеть (при всём своём уме он долго не замечает страданий влюблённой Филлис), ошибаться и признавать свои ошибки. Приверженность пуританской морали иногда делает его смешным: он с искренним негодованием осуждает слабый пол за любовь к нарядам и украшениям (однако преодолевает собственную ограниченность в этом вопросе, преподнося больной дочери набор голубых лент).

Если же не принимать подобных мелочей во внимание, то религиозность отца Филлис чужда косности и не всегда уместна в рамках доктрины. Кульминация в развитии образа мистера Хольмана – сцена беседы с двумя другими пасторами, призывающими его не противиться воле Всевышнего и благословить уход Филлис. Человек берёт в нём верх над священнослужителем, а любовь к ближним – над любовью к Богу, и он отказывается смириться с тем, что кажется почти неизбежным. Не зря гнездо Хольманов называется Хоуп-Фарм – ферма «Надежда».

Надежда пастора на выздоровление Филлис сбылась. Надежда Филлис на воссоединение с Эдвардом Холдсвортом – нет. Но если героиня унаследовала от своего отца умение, несмотря ни на что, всегда верить в лучшее, она обязательно будет счастлива. Финал произведения может показаться довольно печальным, но, вкладывая в уста Филлис слова: «...мы заживём безмятежно, по-старому. Я знаю, мы сможем. Я смогу. И так будет!» – Гаскелл призывает нас смотреть на мир с оптимизмом.

Говоря о финальных эпизодах повести, нельзя не отметить того, насколько мастерски автор контролирует уровень эмоционального напряжения. Когда в упомянутой сцене беседы трёх пасторов драматизм достигает предельного накала, регистр повествования снижается: на «сцену» выходит ворчливая служанка Бетти (воплощение трезвого ума, не окультуренного образованием, но подкреплённого опытом и унаследованной народной мудростью) со своим монологом о любви брата Робинсона к сытным обедам. Из её же грубоватых уст звучит обращённый к Филлис призыв побороть уныние и вернуться к жизни ради близких людей. Взаимоперетекания трагического и комического, поэзии и прозы помогают автору избегать излишней сентиментальности, делая повествование естественным и полнокровным.

В этом произведении Элизабет Гаскелл, пожалуй, не ощущается явного авторского стремления к скрупулёзной фиксации быта. Если «Крэнфорд» – это полотно, написанное масляными красками, то «Кузина Филлис» – скорее акварель. Но даже нескольких штрихов оказывается достаточно для того, чтобы сделать изображённый мир зримым и осязаемым. Мы чувствуем тепло камина в столовой Хоуп-Фарм, вдыхаем аромат яблок в осеннем саду, слышим гул ярмарочной площади Элтема. Даже уклад бирмингемского дома Мэннингов, покинутого рассказчиком ещё до начала повествования, живо рисуется нам благодаря одной-единственной детали: Пол достаёт из багажа соленья и варенья своей любящей, но строгой матушки, радуясь тому, что теперь сможет лакомиться всем этим, ни у кого не спрашивая разрешения.

Автор реалистично воссоздаёт не только быт, но и нравы городских и сельских жителей. Среда, на фоне которой разворачивается действие повести, не ограничивается Хоуп-Фарм – этим царством надежды (надежды на торжество христианской терпимости, просвещения и честного труда). На страницах «Кузины Филлис» нам встречаются и лицемерные сёстры Доусон, и зануда мистер Питерс, и недалёкий брат Робинсон, считающий грехом изучение иностранных языков и чтение светской литературы. Этим людям не отведено сколько-нибудь заметной роли в фабуле произведения: они нужны лишь для того, чтобы оттенить индивидуальность центральных персонажей своей косной «типичностью» (кстати, то, что эпизодически упоминаемые лица носят чрезвычайно распространённые и порой даже совпадающие фамилии, вряд ли объясняется недостаточно богатой фантазией писательницы).

Мещанская масса, состоящая из робинсонов и добсонов, уравнивает чашу весов, на которой находятся преданные слуги, домочадцы, соседи и прихожане мистера Хольмана:

Бэтти, старый Джон и другие «простые добрые люди». Но и здесь, на Хоуп-Фарм, не всё так идеально, как может показаться вначале. «Кузина Филлис» не относится к остросоциальной прозе Элизабет Гаскелл, и всё же трудно не заметить, что повесть создана рукой писателя, привыкшего задумываться о судьбе своего народа.

В этом отношении примечателен образ слабоумного Тимоти Купера, не раз навлекавшего на себя справедливый хозяйский гнев. Его изгнали с пасторского двора за глупость и лень, когда он загубил яблоню, ссыпав под неё негашёную известь, но вскоре приняли обратно и стали терпеливо обучать посильной ему работе: мистер Хольман был тронут, узнав, что уволенный Тим целый день провёл на мосту, преграждая путь повозкам, которые могли бы проехать мимо фермы и потревожить сон больной Филлис. В глаза бросается совпадение деталей: сидя на развилке дорог, Тимоти снова кидает известь (на сей раз он просто отправляет белые кусочки в воду ручья, борясь со скукой). Этот работник, нерадивый и неотёсанный, но в глубине души добрый и не во всём безнадёжно глупый, сам подобен извести, которая не только разъедает всё живое, но и служит неплохим строительным материалом. Простые необразованные люди могут превращаться из разрушительной силы в созидательную, если ими управляют такие добрые, умелые и просвещённые руководители, как мистер Хольман или мистер Мэннинг.

Отец Пола – своеобразный двойник отца Филлис. Будучи не священником, а человеком вполне светской профессии и живя в городе, а не на лоне природы, Мэннинг старший легко находит с пастором общий язык. Их роднит многое: благородство, ум, трудолюбие, страстный интерес к окружающему миру и неуёмная жажда знаний. В образе мистера Мэннинга, изобретателя-самоучки, воплотился дух здоровой предприимчивости – движущей силы технического и социального прогресса. Этот герой не принимает непосредственного участия в событиях повести, и всё-таки без него её мир не был бы таким живым и многогранным. Автор не смотрит на своих персонажей как на винтики, выполняющие строго назначенные функции. Мистер Мэннинг, человек образованный, но не высокомерный, состоятельный, но никогда не стремившийся к богатству как к самоцели, религиозный, но не слепо следующий пуританским правилам, настолько интересен и обаятелен сам по себе, что его образ органично вплетается в повествование, не требуя для себя никаких оправданий.

Смелое построение системы персонажей отвечает лаконичному своеобразию сюжета. Ослабленностью внешнего конфликта «Кузина Филлис» словно бы перекликается с чеховской драмой, на несколько десятилетий опережая время своего создания. В повести нет алчных и завистливых злодеев, герои не страдают от войн или притеснений, не борются с нуждой. Кто виноват в том, что Филлис едва не умерла от горя? Родители? Нет! Они готовы были всё отдать ради её счастья. Холдсворт? Снова нет. Его не упрекнёшь не только в предательстве, но даже в легкомысленной несдержанности, ведь он никогда не говорил пасторской дочке о любви. Не виноват, конечно же, и Пол, искренне сопереживавший кузине и желавший видеть её счастливой, хотя бы и с другим. В чём же дело? Влюблённый мужчина рассказал приятелю о своих чувствах к девушке, приятель передал ей его слова, тем самым её окрылив. Но прошло время, и влюблённый забыл девушку... Причина страданий героини – простая цепь случайностей, сложившаяся не слишком удачным образом. В том, что Филлис несчастна, «виновата» только сама жизнь, которая сводит и разлучает людей, заставляет их проходить через болезни и исцеления, разжигает и гасит в их сердцах любовь. Так было в XIX веке, и так будет всегда.

Элизабет Гаскелл написала «Кузину Филлис» в 1864 году, незадолго до смерти. Повесть публиковалась частями, планировалась работа над пятой и шестой главами. Несмотря на то, что первоначальный замысел не был осуществлён, произведение представляет собой вполне законченное художественное целое и даже выигрывает благодаря некоторой открытости финала и отсутствию фабульной детерминированности ряда образов.

В посмертных изданиях «Кузина Филлис» иногда выходила с подзаголовком «Повесть английской любви» («A Story of English Love»). Это лёгкое, но не легковесное, элегантное, но не вычурное произведение Элизабет Гаскелл действительно насквозь пропитано любовью. Узы сердечного притяжения связывают между собой персонажей, образуя густую сеть: весёлый, обладающий подвижным умом и творческим воображением Эдвард Холдсворт полюбил тихую дочь деревенского пастора, но уехал и со временем её позабыл. Она тоже его полюбила, но забыть не смогла. Другое чувство, братско-сестринское, связывает девушку с дальним родственником, который оказался слишком скромным, чтобы мечтать о большем, и слишком предан своему товарищу и сопернику, чтобы встать у него на пути.

А ещё мы видим взаимную любовь родителей и детей, любовь супругов, сохранивших тёплую привязанность и уважение друг к другу, несмотря на несовпадение кругозоров. Любовь к живым и умершим, разделённую и безответную. Любовь к людям и животным, к работе и к знаниям, к природе и к Богу. «Английскость» всех этих чувств разве что в сдержанности проявления. По сути же они вечны и универсальны. Значит, «Кузина Филлис» найдёт в сердце современного русскоязычного читателя тот же отклик, какой нашла сто пятьдесят лет назад в сердцах соотечественников своей создательницы – удивительной миссис Гаскелл.

Кузина Филлис

Часть I

Переселение из родительского дома на отдельную квартиру – знаменательное событие в жизни молодого человека. Пожалуй, более никогда я не был так доволен и так горд, как в тот день, когда семнадцатилетним юнцом впервые остался один в трёхугольной комнатке над кондитерской лавкой в Элтеме, главном городе графства ***. Отец мой только что уехал, произнеся на прощанье внушительную проповедь о правилах, коих следует придерживаться молодому человеку, вступающему на путь самостоятельной жизни. Меня определили в помощники к инженеру, который подрядился строить ветвь железной дороги от Элтема до Хорнби. Добившись, чтобы я получил это место, отец обеспечил мне более высокое положение, чем то, какое занимал сам, – вернее сказать, то, в каком родился и вырос, ибо с каждым годом он возвышался в глазах людей. По роду занятий он был простым механиком, но при этом обладал даром изобретателя и отменным упорством, благодаря чему смог усовершенствовать железнодорожные машины несколькими полезными новшествами. К богатству отец не стремился, хотя, как человек благоразумный, не отказывался от плодов, приносимых собственными трудами. По его признанию, идеи свои он развивал потому, что они ни днём ни ночью не давали ему покоя, пока не обретали законченную форму.

Но я уже довольно сказал о моём дорогом отце. Счастлива страна, где много есть таких, как он. По воспитанию и убеждениям он был истый конгрегационалист¹, и, полагаю, именно это подвигло его поселить меня в комнатухе над кондитерской: лавку держали две сестры нашего бирмингемского священника, что, очевидно, должно было служить защитой моей нравственности, когда я, оставшись без родительского надзора, встречаюсь с городскими соблазнами – при годовом жалованье в тридцать фунтов!

Отец пожертвовал двумя драгоценными днями, чтобы, надев воскресный костюм, сопроводить меня в Элтем и представить моему патрону, который был перед ним в долгу за какую-то подаренную идею. После визита в контору мы засвидетельствовали почтение главе маленькой конгрегационалистской общины Элтема, а затем мой родитель покинул меня. Мне жаль было расставаться с ним, и всё же я ощутил, до чего это приятно, когда ты сам себе хозяин. Открыв корзину, собранную в дорогу моей матушкой, я с наслаждением вдохнул аромат домашних деликатесов, чувствуя себя полноправным обладателем всех этих горшочков и свёртков. Взяв на руках окорок домашнего приготовления, который сулил мне бесконечное блаженство, я думал о том, что смогу лакомиться им, когда заблагорассудится, не соображаясь с мнением других людей, пусть даже и склонных меня баловать. Я сложил свои съестные припасы в маленький угловой шкафчик – в комнате, состоявшей из сплошных углов, всё располагалось в углах: камин, окно, шкаф. Посередине помещался лишь я один, и не сказать, чтобы мне было слишком просторно. Столик, который складывался и раскладывался, примостился у окна, выходящего на рыночную площадь. Отец, не побоявшись расходов, нанял комнату, где я мог бы заниматься науками, однако нетрудно было предположить, что гуляющие мужчины и женщины станут для меня более заманчивым предметом изучения, чем книги. Завтракать и обедать я должен был с двумя пожилыми мисс Доусон в маленькой гостиной, расположенной

¹ Конгрегационализм – ветвь кальвинизма, отличительная особенность которой заключается в утверждении независимости каждой поместной общины (конгрегации) от церковных и светских властей. В XVII в. вождём конгрегационалистов (или индепендентов) был руководитель Английской революции Оливер Кромвель.

в первом этаже за трёхугольной лавкой. Вечерами я мог засиживаться в конторе, поэтому пить чай или ужинать мне предстояло одному.

По прошествии некоторого времени на смену радости и гордости пришло одиночество. Прежде мне не случалось покидать дом, где я был единственным ребёнком. Отец всегда соглашался с теми, кто твердил: «Пожалеешь розог – испортишь дитя», но сердце его было преисполнено нежности ко мне, и, сам того не сознавая, он обходился со мною мягче, нежели считал правильным. Матушка, напротив, не причисляла себя к сторонникам суровости, однако на деле была куда строже отца – потому, вероятно, что мои мальчишеские грехи больше её раздражали. Так или иначе, перечитывая теперь эти строки, я вспоминаю, как она горячо защищала меня, когда однажды, в более зрелые годы, я вправду согрешил против отцовских представлений о долге.

Но сейчас я хочу поведать не об этом. Моя повесть посвящена будет кухне Филлис, однако о том, кто она, читатель узнает в своё время.

На протяжении первых нескольких месяцев жизни в Элтеме все мои помыслы занимала служба, ибо в ней и была заключена моя новоприобретённая независимость. В восемь я уже стоял за своею конторкой, в час пополудни уходил домой обедать, к двум возвращался. После обеда я иногда выполнял ту же работу, что и утром, а иногда сопровождал мистера Холдсворта, главного инженера, на какой-нибудь участок линии между Элтемом и Хорнби. Я очень радовался таким поездкам, и причин тому было три: разнообразие, которое они приносили в мои будни, живописная местность, которую мы пересекали, и общество самого мистера Холдсворта, на которого я мечтал походить. Этот молодой человек лет двадцати пяти стоял выше меня и по рождению, и по образованию. Он побывал на континенте и носил усы с бакенбардами на иностранный манер. Я гордился тем, что меня могли видеть с ним рядом. Он был во многих отношениях славным малым, и, попав под его начало, я оказался в далеко не худших руках.

По настоянию отца я каждую субботу писал домой, докладывая о том, как прошла неделя. Но часто я не знал, чем наполнить письмо, поскольку жизнь моя текла однообразно. По воскресеньям я дважды в день ходил по тёмному узкому переулку в молельню, где выслушивал гимны, распеваемые хором дребезжащих голосов, длинные молитвы и ещё более длинные проповеди. Я был моложе остальных членов маленькой общины по меньшей мере на дюжину лет. Иногда мистер Питерс, священник, приглашал меня к себе на чай после второй службы. Эти чаепития ужасно тяготили меня: обыкновенно я весь вечер сидел на краешке стула и отвечал на вопросы, изрекаемые торжественным басом. В восемь часов в комнату, разглаживая на себе передник, входила миссис Питерс в сопровождении единственной служанки и начиналось домашнее богослужение, состоявшее из проповеди, чтения главы Писания и долгой импровизированной молитвы. Наконец некий инстинкт подсказывал мистеру Питерсу, что настало время ужина, и мы поднимались с колен, испытывая голод, преобладавший над всеми прочими нашими чувствами. За столом хозяин принимал чуть менее строгий вид и отпускал пару громоздких остроумий, как бы показывая мне, что и служители церкви – люди. В десять часов я отправлялся домой, в свою треугольную комнатку, и, перед тем как лечь в постель, с наслаждением предавался до сих пор подавляемой зевоте.

Дина и Ханна Доусон, чьи имена красовались на табличке над входом в лавку (я же называл их просто мисс Доусон и мисс Ханна), полагали, будто приглашение к мистеру Питерсу – величайшая честь, о какой может мечтать молодой человек, и я окажусь кем-то вроде Иуды Искарота наших дней, если, получив такие привилегии, не обеспечу своей душе спасение. Что до мистера Холдсворта, то, видя, как много времени я провожу в его обществе, старые девы качали головами.

Между тем он был очень добр ко мне, и однажды, отрезая себе ломоть домашней ветчины, я подумал, не пригласить ли мне своего патрона на чашку чая, ведь он наверняка захочет полюбоваться ежегодной ярмаркой, которая шумела под моим окном (во всяком случае, меня,

семнадцатилетнего, очень привлекал вид палаток, каруселей, зверей в клетках и тому подобных провинциальных диковинок). Однако стоило мне лишь вскользь упомянуть о ярмарке, как мисс Ханна прервала меня монологом о порочности такого рода увеселений. Осудив тех, кто погряз во грехе, она перешла к Франции и высказала весьма нелестные суждения о её обитателях, а также обо всём иностранном вообще. Чувствуя, что моя домовладелица того и гляди поразит свою конечную мишень и мишень эта – не кто иной, как мистер Холдсворт, я счёл разумным поскорее завершить завтрак и удалиться настолько, чтобы гневный голос из гостиной не мог достичь моих ушей. Впоследствии я был несколько удивлён, когда услышал, как сестры удовлетворённо подсчитывают выручку ярмарочной недели, приговаривая, что иметь кондитерскую лавку на углу рыночной площади не так уж плохо. И всё же пригласить мистера Холдсворта к себе я так и не решился.

Первый год моего пребывания в Элтеме был ничем не примечателен, однако, когда мне почти уже исполнилось девятнадцать и я стал подумывать о том, чтобы отрастить бакенбарды, я узнал кузину Филлис, о чьём существовании до тех пор даже не подозревал. Мы с мистером Холдсвортом на весь день отправились в Хитбридж, где нам предстояло как следует потрудиться. Деревня располагалась неподалёку от Хорнби – последнего пункта нашей железной дороги, строительство коей было закончено более чем наполовину. Долгая поездка за пределы города стала тем долгожданным событием, о котором я мог поведать в письме домой. Я пустился в описания пейзажей, чем грешил нечасто, рассказал отцу о болотистых пустошах, поросших диким миртом да мягким мхом, о зыбкой земле, по которой мы прокладывали дорогу, о том, как мистер Холдсворт и я дважды ходили обедать (наше путешествие растянулось на целых два дня и одну ночь) в симпатичную деревушку, расположенную неподалёку от места работ, и, наконец, о том, что я надеюсь выезжать туда часто, поскольку нетвёрдая почва доставляет инженерам немало хлопот: стоит пригрузить один конец рельса, поднимается другой. (Интересы пайщиков меня, как можно догадаться, заботили мало, и я не огорчился, получив известие о том, что до завершения строительства узла нам предстоит провести ещё одну линию по более пригодной местности.)

Обо всём этом я написал очень пространно, радуясь появлению достойного предмета для рассказа. Из ответного письма я узнал, что троюродная сестра моей матери замужем за пастором-конгрегационалистом по имени Эбенизер Хольман и живут они в Хитбридже – той самой деревушке близ Хорнби, о которой я упоминал. Так, по крайней мере, думала моя матушка, никогда не видевшая своей кузины Филлис Грин. Эта наша родственница была, как полагал отец, единственной наследницей своих родителей. Старый Томас Грин владел без малого пятьюдесятью акрами земли, и теперь поместье наверняка отошло к его дочери. Упоминание о Хитбридже, очевидно, пробудило в моей матушке родственные чувства. Отец написал мне, что она настоятельно просит меня, как только я снова окажусь в тех краях, разузнать, действительно ли там проживает священник Эбенизер Хольман и женат ли он на Филлис Грин. Получив утвердительные ответы на оба вопроса, я должен был разыскать дом священника и рекомендоваться его обитателям как единственный сын Маргарет Мэннинг, урождённой Манипенни. Я разозлился на себя за то, что написал родителям о Хитбридже: не открой я им название деревушки, мне не пришлось бы выполнять столь обременительного поручения. По моему мнению, мне было бы вполне достаточно знакомства с одним священником-конгрегационалистом, но после того как воскресные уроки катехизиса с мистером Доусоном остались позади, судьба свела меня со старыми Питерсами, и каждый раз, когда они звали меня к себе на чай, я по пять часов кряду учтиво терпел их общество. Лишь оказавшись в Хитбридже, я наконец-то вдохнул воздух свободы, однако и здесь мне предстояло отыскать священника – с тем, вероятно, чтобы снова отвечать катехизис или же пить чай. Кроме того, мне не хотелось

рекомендовать себя незнакомым людям, которые, возможно, никогда не слыхали странного² имени моей матери, а если и слыхали, то едва ли вспоминали о ней чаще, чем она о них до тех пор, пока я по неосторожности не упомянул о Хитбридже в своём письме.

При всей своей досаде я не помышлял о том, чтобы послушаться родителей. В следующий раз, когда дела привели нас в Хитбридж, мистер Холдсворт и я зашли отобедать на постоянный двор – в маленькую залу, где пол был посыпан песком. Улучив момент, когда мой начальник ненадолго вышел, я задал розовощёкой служанке те вопросы, которые мне надлежало задать, но либо я невнятно изъяснился, либо она была глупа. Так или иначе, она сказала, что ответить не может, но спросит у хозяина. Хозяин, как и следовало ожидать, не замедлил явиться, и мне пришлось, заикаясь, повторить свои вопросы в присутствии возвратившегося мистера Холдсворта, который не обратил бы на них внимания, если б я не краснел и не запинаясь – словом, не выставил бы себя дураком.

Хозяин подтвердил, что Хоуп-Фарм в самом деле находится в Хитбридже, а владеет ею мистер Хольман, священник-конгрегационалист. Имени его жены содержатель постоянного двора не смог припомнить наверняка, хотя вроде бы её и вправду звали Филлис. В том, что девицей она носила фамилию Грин, трактирщик не сомневался.

– Ваша родственница? – спросил мистер Холдсворт.

– Нет, сэр... То есть да... Она, должно быть, родственница, кузина моей матери, однако я её никогда не видел.

– Отсюда до Хоуп-Фарм рукой подать, – услужливо произнёс хозяин, подходя к окну. – Ежели посмотрите вон туда, то за мальвовой клумбой увидите сад, а там, над терносливом, чудные такие каменные трубы. Они самые и будут трубы Хоуп-Фарм. Ферма старая, но Хольман неплохо её содержит.

Мистер Холдсворт поднялся из-за стола расторопнее меня и тоже стал у окна. При последних словах хозяина он обернулся и с улыбкой произнёс:

– Не часто встретишь преподобного отца, который неплохо содержит землю!

– Прошу прощения, сэр, но я скажу, как привык. Мы тут зовём преподобным только своего викария, и он оскорбился бы, если б кто назвал так священника другой церкви. А что до мистера Хольмана, то он, я вам доложу, управляется с землёй не хуже любого фермера. Пять дней в неделю отдаёт работе, а два – Господу, и даже не скажешь, когда он трудится усерднее. В субботу и воскресенье пишет проповеди и навещает свою паству в Хорнби, а в понедельник, на заре, уже снова пашет землю Хоуп-Фарм наравне с теми, кто и грамоте-то не обучен. Но у вас обед стынет, джентльмены.

Мы вернулись к столу. Вскоре мистер Холдсворт нарушил молчание:

– На вашем месте, Мэннинг, я заглянул бы к тем родственникам. Вы могли бы пойти и посмотреть, что они собой представляют, а я выкурю в саду сигару, пока Добсон составляет смету.

– Благодарю, сэр, но я их не знаю и, пожалуй, не хочу знать.

– Тогда зачем вы о них спрашивали? – произнёс мой патрон, бросив на меня быстрый взгляд. Он не представлял себе, как можно что-либо говорить или делать без определённой цели. Поскольку я не ответил, он продолжил: – Бросьте ваши сомнения и ступайте познакомиться с этим фермерствующим священником. Потом расскажете мне о нём. Я с удовольствием послушаю.

Я был настолько подвержен влиянию мистера Холдсворта и настолько привык ему подчиняться, что, даже не подумав возразить, отправился выполнять поручение, хотя охотнее дал бы отрубить себе голову. Хозяин заведения, очевидно заинтересовавшийся предметом нашей беседы (такое любопытство у деревенских трактирщиков в обычае), проводил меня до двери

² Фамилия Манипенни состоит из двух английских слов: money (деньги) и penny (пенни, однопенсовая монета).

и, неоднократно повторившись, объяснил мне, куда идти, словно я мог заблудиться на двух-стах ярдах. Я не перебивал его, пользуясь этой отсрочкой, чтобы набраться храбрости перед вторжением в дом незнакомых людей.

Наконец я зашагал по тропе, задевая высокие сорняки, и, повернув раз или два, оказался возле Хоуп-Фарм. Между домом и тенистой, поросшей травой деревенской дорогой был сад, который, как я узнал впоследствии, именовался двором из-за окружавшей его низкой стены с решёткой поверху. От внушительных ворот с колоннами, увенчанными каменными шарами, к главной двери дома вела мощёная дорожка, но этим парадным ходом обитатели фермы, очевидно, не пользовались: дверь была широко открыта, однако ворота оказались запертыми. Свернув на боковую тропку, слабо протоптанную в траве, пройдя вдоль стены «двора» и миновав ступени для посадки в седло (они были наполовину скрыты зарослями очитка и маленькими жёлтыми цветками дымянки), я приблизился к другому входу. Его, как мне потом сказали, хозяин фермы называл «куратором», меж тем как главная дверь, «нарядная, как для парада», была «ректором»³.

Я постучал. Открыла высокая девушка, с виду моя ровесница. Она молча поглядела на меня, ожидая, что я объясню, зачем явился. Вижу её как сейчас – мою кузину Филлис. Солнце, уже миновавшее зенит, ярко освещало ей лицо, косым лучом просачиваясь в комнату. На девушке было тёмно-синее хлопчатое платье, закрывавшее руки до запястий, а грудь – до шеи. Узкие оборки из той же материи украшали наряд там, где ткань подступала к открытой белой коже. До чего удивительна была эта белизна! Никогда прежде я не видал ничего подобного. Светлые волосы девушки имели золотисто-жёлтый оттенок. Она смотрела на меня большими спокойными глазами, удивлённая, но не испуганная появлением незнакомца. Мне показалось странным, что такая взрослая, высокая барышня носит поверх платья детский передник.

Прежде чем я успел решить, как лучше ответить на предложенный девушкой немой вопрос, из комнаты раздался женский голос:

– Кто там, Филлис? Если это за пахтой пришли, так скажи, чтобы обождали у заднего крыльца!

Подумав, что мне легче будет объясниться с обладательницей этого голоса, нежели с девушкой, я перешагнул порог и снял шляпу. Как оказалось, боковая дверь вела прямо в залу, где вечерами, очевидно, собирались обитатели дома, каждый со своей работой. Теперь же здесь никого не было, кроме бойкой маленькой женщины лет сорока, которая гладила огромные муслиновые шарфы, стоя у высокого створчатого окна, оплетённого зеленью. Хозяйка дома с недоверием на меня глядела, пока я наконец не заговорил:

– Меня зовут Полом Мэннингом, – сказав это, я заметил, что моё имя женщине незнакомо, и потому прибавил: – Моя матушка в девичестве носила фамилию Манипенни. Маргарет Манипенни.

– Ах! И она вышла замуж за Джона Мэннинга из Бирмингема! – обрадованно подхватила миссис Хольман. – А вы, должно быть, её сын. Я так рада! Прошу садиться! Подумать только – сын Маргарет Манипенни! А казалось бы, не так давно она была ещё почти дитя! Как быстро пролетели двадцать пять лет! Так что же привело вас в наши края?

Хозяйка и сама уселась, причём с таким видом, будто ей не терпелось узнать от меня всё, что случилось в жизни моей матери за минувшую четверть века. Младшая Филлис Хольман взяла вязанье (помню, что это был длинный мужской чулок из тонкой шерсти) и принялась работать, не глядя на спицы. Я постоянно чувствовал на себе неподвижный взгляд её глубоких серых глаз, но, стоило мне украдкой в них посмотреть, она принялась изучать какой-то предмет на стене за моей головою.

³ Ректор (от *лат.* *regere* – управлять) – приходской священник; курат (от *лат.* *curare* – заботиться) – его помощник, второй священник прихода.

– Кто бы мог подумать! – глубоко вздохнув, проговорила матушкина кузина, когда я ответил на все её вопросы. – Сын Маргарет Манипенни у нас в гостях! Жаль, что мистера Хольмана нет дома. Филлис, на каком поле сегодня работает отец?

– На пятиакровом. Там началась жатва.

– В таком случае он будет недоволен, если мы за ним пошлём. Я хотела бы, чтоб вы его повидали, однако пятиакровое поле недалеко, а вы говорите, что вам пора. Не отпущу вас, пока не выпьете стакан вина и не отведаете пирога. А мистер Хольман обыкновенно приходит только в четыре, когда у работников отдых.

– Мне в самом деле нужно идти. Я и так уж засиделся.

– Тогда, Филлис, возьми-ка ключи.

Мать шёпотом дала дочери какие-то указания, и последняя вышла из комнаты.

– Она мне кузина, не так ли?

Я не то чтобы сомневался в этом, а просто хотел поговорить об ней и не мог придумать, как начать.

– Да. Её зовут Филлис Хольман. Она наше единственное дитя. Теперь.

По этому «теперь» и по грустному выражению, мелькнувшему в глазах хозяйки, я понял, что в семье священника были и другие дети, которые умерли.

– Сколько лет кузине Филлис? – проговорил я с усилием: мне показалось, будто, называя новую знакомую по имени, я позволяю себе фамильярность.

Но миссис Хольман, несколько не смутившись, ответила:

– В прошлый майский праздник⁴ исполнилось семнадцать. Ах, мой муж ведь не любит, когда я называю этот день майским праздником, – оборвала она сама себя, и в её голосе я уловил благоговейный трепет. Ответ на мой вопрос был незамедлительно повторён в исправленной редакции: – Филлис минуло семнадцать в первый день мая.

«А мне через месяц будет девятнадцать», – подумал я, сам не зная почему. В эту секунду Филлис вернулась с вином и пирогом на подносе.

– Мы держим служанку, но сегодня она сбивает масло, – проговорила миссис Хольман (дав волю простодушному честолюбию, пасторша отыскала извинение тому, что её дочь сама прислуживает гостю).

– Мне это приятно, мама, – сочным грудным голосом произнесла Филлис.

Я вдруг представил себя ветхозаветным мужем (имени его я не припомнил), вкушающим из рук дочери хозяина. Возможно, я был подобен Авраамову слуге, которого Ревекка напоила водой из колодца? Мне подумалось, что Исаак многого себя лишил, доверив выбор жены другому⁵. Но Филлис, этой рослой и грациозной девушке в детском платье и с детской простотою в обращении, такие мысли были чужды.

Сообразуясь с усвоенными мною правилами, я выпил за здоровье хозяина и хозяйки дома, решившись также произнести имя молодой кузины и при этом учтиво наклонить голову, но робость не позволила мне поднять глаза, чтобы посмотреть, как принят мой комплимент.

– Теперь мне пора идти, – сказал я, вставая.

Ни одна из женщин не подумала притронуться к вину. Миссис Хольман ради приличия надкусила ломтик пирога.

– До чего же всё-таки жаль, что вы не застали моего мужа! – вздохнула она, тоже поднимаясь.

Сам же я втайне радовался тому, что знакомство с мистером Хольманом не состоялось. В ту пору я недолюбливал всю священническую братию, а этот пастор должен был быть всем

⁴ Народный праздник, гулянье в честь прихода весны. Обязательные атрибуты – чествование королевы мая (самой красивой девушки) и танцы вокруг «майского дерева» (столба, украшенного разноцветными лентами).

⁵ Согласно библейской легенде, Авраам поручил выбор жены для Исаака своему рабу. Тот отправился на поиски и встретил у колодца Ревекку. Девушка дала ему и его верблюдам напиться, после чего он попросил её руки для сына господина.

пасторам пастор, раз не позволял домашним даже упоминать о майском празднике. Прежде чем я ушёл, хозяйка взяла с меня обещание прийти снова в следующую субботу и провести на Хоуп-Фарм воскресный день.

– Вы непременно должны увидеть мистера Хольмана! Ежели сможете, приходите в пятницу! – сказала она на прощанье, стоя у открытой двери-«курата» и рукой заслоняя глаза от вечернего солнца.

В комнате, которую я только что покинул, было полутемно из-за вьюна, густо оплетавшего окна. Казалось, её освещали только золотые волосы и ослепительно белое лицо кузины Филлис, которая не поднялась с места, когда я стал раскланиваться, а лишь посмотрела на меня и спокойно попрощалась.

Мистера Холдсворта я застал на строительстве. Работа кипела. Как только выдалась свободная минута, он спросил:

– Что, Мэннинг? Каковы ваши новые кузены? Действительно ли служение Богу и земледелие совместны друг с другом? Если пастырь столь же деловит, сколь и набожен, я готов его уважать.

Предложив вопрос, мой начальник едва выслушал ответ: руководство рабочими занимало его куда больше. Да я толком и не знал, что отвечать. Самое вразумительное из сказанного мною было упоминание о полученном приглашении.

– Разумеется, ступайте. Ступайте в пятницу, если хотите. Можно и на этой неделе. Вы славно потрудились, старина.

Сперва я было подумал, что вовсе не хочу идти к Хольманам в пятницу. Но когда она настала, я всё же воспользовался полученным от мистера Холдсворта разрешением и после полудня, чуть позднее, чем в предыдущий раз, отправился на Хоуп-Фарм.

Дверь-«курат» была открыта, и в комнаты лился мягкий сентябрьский воздух. Солнце так укротило его, что на дворе стало теплее, чем в доме, хоть в камине и тлело полено, обложенное горячими углями. Вьюн на окне чуть пожелтел, края его листьев подсохли и побурели. Миссис Хольман на сей раз не гладила, а чинила рубашку, сидя у крыльца, но Филлис, как и прежде, была в комнате и вязала, будто всю неделю ни разу не выходила. На скотном дворе, чуть поодаль, суетливо клевала зёрна рябая домашняя птица, сверкали молочные бидоны, вывешенные для просушки. Садик утопал в цветах: они оплели низкую ограду и помост для посадки в седло, обступили тропинку, ведущую к задней двери. Мне подумалось, что после двух дней пребывания на Хоуп-Фарм мой воскресный сюртук, наверное, долго будет источать аромат шиповника и ясенца, которым напоён здешний воздух. Миссис Хольман то и дело открывала корзину, стоявшую у её ног, и, зачерпнув пригоршню зерна, бросала его голубям, а те ворковали и хлопали крыльями, предвкушая угощение.

Едва я был замечен, меня радушно приветствовали:

– Как вы хорошо сделали, что приехали! Вот это по-дружески! – сказала пасторша, с теплотою пожимая мне руку. – Филлис! Твой кузен Мэннинг пришёл!

– Называйте меня, пожалуйста, Полом. Дома я Пол, а Мэннинг – в конторе.

– Хорошо, Пол. Ваша комната готова, Пол. Я, знаете ли, сказала мужу: «Приедет он в пятницу или нет, а я всё же приготовлю для него комнату». А мистер Хольман сказал, что ему необходимо быть сегодня на поле, но он вернётся домой в срок и свидится с вами. Идёмте, я покажу вам вашу спальню. Там вы сможете умыться с дороги.

Когда я снова вышел в сад, мне показалось, будто миссис Хольман не знает, что со мною делать, находит меня скучным или же я просто мешаю каким-то её делам. Так или иначе, позвав Филлис, она велела ей надеть шляпку, отправиться со мною на поле и разыскать там отца. В пути я поймал себя на мысли, что мне хотелось бы казаться приятным моей провожатой и притом не уступать ей в росте (в действительности она была меня выше). Покуда я решал, как начать беседу, Филлис заговорила первой:

- Полагаю, кузен Пол, это нелегко – целый день трудиться в конторе?
 - Да, мы приходим на службу к половине девятого, час даётся нам на обед, а потом мы снова работаем до восьми или девяти часов.
 - Тогда у вас, должно быть, мало остаётся времени для чтения.
 - Увы, – сказал я, вдруг осознав, что не лучшим образом употребляю тот досуг, который имею.
 - У меня также. Отец всегда берёт себе час для занятий перед тем, как идти в поле, но мама не хочет, чтобы я вставала так же рано.
 - А моя матушка, когда я дома, вечно заставляет меня подниматься пораньше.
 - В котором же часу вы встаёте?
 - О, иногда в половине седьмого... Однако это не часто.
- По правде, за минувшее лето такое случилось со мною лишь дважды.
- Отец встаёт в три, – произнесла Филлис, повернув голову и глядя на меня. – Мама поднималась вместе с ним, пока не заболела. Я обыкновенно встаю в четыре.
 - Ваш отец встаёт в три? Что же он делает в такой час?
 - Спросите лучше, чего он только не делает! Молится в своей комнате, звонит в большой колокол, когда приходит пора доить коров, будит Бетти, нашу служанку, нередко сам задаёт лошадям корм (потому что работник Джем уже стар и отец не любит его беспокоить). Перед тем как вести коней в поле, осматривает их ноги, подковы, плечи и постромки, проверяет, довольно ли заготовлено соломы и зерна, часто сам чинит кнуты. А кроме того следит за тем, чтобы свиньи были накормлены, заглядывает в кадки с помоями для них, записывает всё, что нужно для еды людям и животным, и сколько потребуется топлива. А потом, если осталось немного времени, возвращается в дом и читает вместе со мной, но только на английском: латинские книги мы оставляем на вечер, чтобы насладиться ими без спешки. После чтения отец созывает людей на завтрак, сам нарезает им хлеб и сыр, смотрит, чтобы наполнили их деревянные фляжки. К половине седьмого работники уходят в поле, и тогда садимся завтракать мы. А вот и отец! – воскликнула Филлис, указав на мужчину, который, сняв сюртук, трудился с двумя другими, бывшими на голову ниже его.

Мы увидели работающих сквозь листву ясеней, обрамлявших поле, и я подумал, что, вероятнее всего, ошибся. Тот, кого я принял за священника, больше походил на дюжего крестьянина, и ничто в его наружности не выдавало той чопорности, какую я считал присущей всем пасторам. И всё же это был Эбенизер Хольман. Он кивком приветствовал нас, когда мы вышли на стерню, и, наверное, зашагал бы нам навстречу, если б не давал в ту самую минуту указаний своим работникам. Я заметил, что телосложением Филлис пошла скорее в отца, чем в мать. Священник, подобно своей дочери, был высок и светлокот, но на щеках его горел здоровый румянец, меж тем как её нежное лицо восхищало белизною. Волосы пастыря, прежде золотистые или песочные, теперь поседел. Однако седина его не знаменовала упадка сил. Никогда ещё мне не доводилось встречать человека столь атлетического сложения – широкогрудого, поджарого, с крепко посаженной головою.

Когда мы с ним почти поравнялись, он прервал свою речь и выступил вперёд, протягивая руку мне, но обращаясь к Филлис:

- Это, должно быть, кузен Мэннинг, верно, милая? Обождите минуту, молодой человек: я надену сюртук, чтобы приветствовать вас, как подобает. Нед Холл, здесь следует прорыть дренажную канаву: почва глинистая, липкая и сырая. Приходи в понедельник, и мы этим займёмся... Прошу прощения, кузен Мэннинг... А ещё у старого Джема прохудилась тростниковая крыша: можешь починить её завтра, пока я буду занят. – Произнеся эти слова насыщен-

ным басом, священник внезапно переменял и тон, и предмет своих речей: – Ну что ж, теперь давайте исполним «Согласно воспойте, языци...» на мотив «Горы Эфраима»⁶.

Пастырь поднял свою лопату и стал отбивать ею такт. Я не знал ни стихов, ни напева, хотя обоим крестьянам, а также кузине Филлис они были известны. Отец вёл, сочный голос дочери вторил, работники пели менее уверенно, но вполне стройно. Филлис раз или два взглянула на меня, несколько удивлённая моим молчанием. Мы стояли, обнажив головы (только барышня осталась в шляпке), посреди поля, оцетинившегося рыжевато-бурым жнивьем. Кое-где желтели ещё не убранные скирды хлеба, в одной стороне от пашни темнел лес, откуда доносилось курлыканье диких голубей, в другой шелестели высаженные в ряд ясени. Сквозь их листву проглядывало голубое небо. Даже знай я слова, я навряд ли смог бы петь: мне помешали бы чувства, пробуждённые этой удивительной картиной.

Гимн был кончен, и работники ушли, а я всё не мог шелохнуться. Лишь взгляд священника, который, надевая сюртук, дружелюбно изучал моё лицо, заставил меня выйти из оцепенения.

– У вас, джентльменов, что работают на железной дороге, я вижу, не заведено завершать день пением псалмов? Однако это недурной обычай, очень недурной. Сегодня, по случаю вашего прихода, мы кончили работу пораньше.

Я не нашёлся, что сказать, хотя мыслей в моей голове роилось множество. То и дело я украдкой поглядывал на своего нового знакомого: одет он был в чёрный сюртук и жилет, из белоснежной рубашки, не украшенной галстуком, выглядывала мускулистая шея. Из-под коротких бежевых панталон виднелись серые шерстяные чулки (я тотчас узнал, чьей рукой они вязаны). Туфли были подбиты гвоздями. Шляпу священник нёс, не надевая: по-видимому, ему нравилось ощущать, как ветер обдувает его голову. Вскоро я заметил, что отец взял дочь за руку. Так они направились к дому.

Пересекая улицу, мы увидели двоих малышей. Один лежал ничком на траве в приступе горького плача, второй же стоял как вкопанный, сунув палец в рот, и тоже плакал, но медленными молчаливыми слезами. Нам не составило труда понять, чем дети столь огорчены: на дороге возле разбитого глиняного кувшина белела лужица молока.

– Ай-ай-ай! Что же это такое, Томми? Что у вас здесь стряслось? – произнёс мистер Хольман, одной рукой легко поднимая с земли одетого в платье мальчугана.

Тот удивлённо воззрился на пастыря круглыми глазёнками, однако испуга я в них не увидел: очевидно, малыш и священник были давние знакомые.

– Мамин кувшин! – наконец пролепетало дитя и снова разразилось рыданиями.

– Вот так так! Но разве плачем можно склеить разбитую посуду или собрать расплескавшееся молоко?

– Он, – малыш кивком указал на брата, – и я бегали наперегонки.

– Томми сказал, что обгонит меня, – вставил второй мальчик.

– Даже и не знаю, – протянул мистер Хольман, словно бы размышляя, – как мне втолковать вам, двум глупышкам, что нельзя бегать, когда несёте кувшин с молоком. Может, мне вас высечь, чтобы избавить от хлопот вашу матушку? Она-то уж непременно вас накажет, если этого не сделаю я! – Раздался новый всплеск двухголосного плача. – Или же я могу взять вас с собой на Хоуп-Фарм, чтобы вам налили немного молока, но тогда вы опять станете играть в догонялки, и моё молоко тоже превратится в лужицу. Нет, пожалуй, розги всё же будут вам полезнее, не так ли?

– Мы больше не побежим в догонялки, – сказал старший мальчуган.

– О, тогда вы будете не мальчики, а ангелы!

⁶ Мистер Хольман выбрал текст конгрегационалистского священника и поэта Исаака Уоттса (1674–1748) и мелодию композитора Бенджамина Милгроува (1731–1810).

– Нет, не будем.

– Отчего же?

Дети переглянулись, надеясь прочесть на лицах друг друга ответ на затруднительный вопрос. Наконец один из них сказал:

– Ангелы – это люди, которые умерли.

– Оставим сей богословский спор. Идёмте-ка лучше со мной, и я одолжу вам оловянный бидон с крышкой, чтобы вы снесли в нём домой молока. Он-то хотя бы останется цел, а вот за молоко я не ручаюсь, если вы снова вздумаете бегать.

Выпустив руку дочери, мистер Хольман взял мальчиков и повёл их к своей ферме. Мы с Филлис пошли следом. Малыши теперь наперебой тараторили, обращаясь к пастору, чем доставляли ему видимое удовольствие. Когда внезапно нам открылся удивительной красоты вечерний пейзаж в оранжево-красных тонах, священник обернулся и на память прочёл несколько строк по-латыни.

– До чего же точно, – сказал он, – Вергилий смог описать то, что мы видим здесь, в Англии, в Хитбриджском приходе графства ***, хотя сам он жил в Италии без малого две тысячи лет назад!

– О да! – пробормотал я, стораю от стыда, поскольку забыл даже то небольшое, что знал из латыни.

Священник перевёл взгляд на лицо дочери и прочёл на нём то радостное согласие со своею мыслью, какого по невежеству не смог выразить я. «Это хуже катехизиса, – подумалось мне. – Там только знай себе зубри».

– Филлис, дорогая, ступай с этими молодыми людьми и расскажи их матушке о состязании в беге и о молоке, – произнёс священник и, взглянув на детей, прибавил: – Ведь мама всегда должна знать правду. А кроме того передай ей, что у меня лучшие берёзовые розги в целом приходе. И когда бы она ни сочла, что её мальчиков следует высечь, пускай шлёт их ко мне. Если они и впрямь заслуживают кары, я справлюсь с этим делом как нельзя лучше.

Филлис повела малышей на задний двор, к маслодельне, а я следом за священником вошёл в дом через дверь-«курат».

– У матери этих мальчиков, – пояснил мне мистер Хольман, – довольно-таки крутой нрав, и порой она бывает с ними строга сверх всякой разумной меры. А я, знаете ли, обязан не только пахать здесь землю, но и надзирать за тем, как воспитывают ребят. – Сев в трёхное кресло у камина, священник оглядел пустую комнату и, словно говоря сам с собой, произнёс: – Где же хозяйка?

Миссис Хольман не заставила себя долго ждать. Приветствовать мужа хотя бы одним лишь взглядом или прикосновением, едва он возвращался с полей, было у неё в обыкновении. Невзирая на моё присутствие, пастор поведал жене о том, как прошёл день, а затем поднялся и сказал, что ему необходимо привести себя «в надлежащий вид», после чего мы выпьем чаю в гостиной.

Гостиная оказалась большою комнатой с двумя створчатыми окнами. Располагалась она по другую сторону широкого выложенного плитками коридора, который вёл от «ректора» к внушительной дубовой лестнице с низкими, до блеска отполированными ступенями (видно было, что их никогда ничем не устилали). Посреди гостиной лежал домотканый ковёр с бахромою и вышивкой. На стенах я заметил несколько старомодных фамильных портретов. Каминная решётка была обильно украшена латунными завитками, а на столе у стены, между окнами, громоздились фолианты Библии Мэтью Генри⁷, на которых стояла, точно на постаменте, вычурная ваза с цветами. По всей видимости, в этой комнате принимали только самых

⁷ Мэтью Генри (1662–1714) – священник-диссидент, автор шеститомного «Толкования Ветхого и Нового Заветов».

дорогих гостей, и я, как мог, выказал благодарность за оказанную мне честь, однако вовсе не горевал из-за того, что впоследствии мы никогда здесь не обедали.

Столовая, или зала, как её ни назови, казалась мне куда веселей и удобней: на плите у огромного камина грели пищу, над огнём поблёскивал подвешенный на крюке чайник. Всё, чему надлежало быть чёрным и сверкать, было черно и сверкало, меж тем как занавески на окнах были кипенно белы, а на полу, не покрытом ничем кроме простого коврика грубой вязки, не отыскалось бы ни единого пятнышка. Во всю длину комнаты тянулась слегка наклонная дубовая доска для игры в полпенсовики. Кругом были расставлены корзинки с рукоделием, а на одной из стен висела небольшая полочка с книгами – их читали, а не подпирали ими вазы. Впервые оказавшись здесь один, я снял несколько томиков, чтобы поближе рассмотреть. Вергилий, Цезарь, греческая грамматика... Боже правый! И везде стояли подписи Филлис Хольман! Я вернул книги на полки и поспешил отойти, решив, что и от самой кухни Филлис мне следует держаться подальше, хотя в тот вечер она тихо сидела над своей работой и волосы её казались золотистее, ресницы длиннее, а стройная шея белее обычного.

Мы перешли сюда, в столовую, после чая, чтобы мистер Хольман мог выкурить трубку, не боясь загрязнить шёлковых занавесей с потускневшим узором. Пастырь привёл себя «в надлежащий вид», повязав один из тех больших муслиновых шейных платков, которые миссис Хольман гладила во время первого моего визита на Хоуп-Фарм, а также сделав несколько других мелких изменений в своём костюме. Теперь хозяин дома сидел, неподвижно глядя в мою сторону, но видел ли он меня или же нет, я не возьмусь сказать наверняка. Как бы то ни было, в ту минуту я воображал именно себя мишенью его оценивающего взгляда. Время от времени мистер Хольман вынимал изо рта трубку, вытрясал пепел и предлагал мне новый вопрос. Чаще всего он спрашивал о прочитанных мною книгах, отчего я сконфуженно мялся, не зная, что ответить. Постепенно мы перешли к предмету более практическому – строительству железных дорог, – и я наконец вздохнул свободнее.

Моя работа в самом деле была мне интересна. Мистер Холдсворт не стал бы держать меня у себя на службе, если б я не отдавал нашему делу всего своего времени и всех своих умственных сил. В ту пору я ломал голову над множеством трудностей, с которыми мы столкнулись, ища среди хитбриджских болот надёжной почвы для прокладывания путей. С увлечением рассказывая о работе железнодорожных инженеров, я не мог не удивиться тому, сколь уместными были вопросы, которые делал мне мистер Хольман. Кое-каких деталей он, как следовало ожидать, не знал, однако суть оказалась вполне доступна его уму, привыкшему к логическим упражнениям. Филлис, так похожая на отца и телом, и мышлением, то и дело отрывалась от работы и глядела на меня, стараясь до конца вникнуть в мой рассказ. Чувствуя это и желая ей помочь, я с особым тщанием выбирал простые и точные слова. «Пусть видит, что и кузен Пол кое в чём смыслит, хоть это и не мёртвые языки», – думал я.

– Понимаю, – сказал наконец мистер Хольман. – Вы всё превосходно растолковали. Кто же, юноша, развил в вас столь ясный и крепкий ум?

– Мой отец, – с гордостью ответил я. – Вы не слыхали о новом способе маневрирования поездов, который он изобрёл? Его метод был запатентован и описан в «Газетт». Полагаю, все слышали о лебёдке Мэннинга.

– Помилуйте! Мы не знаем даже имени того, кто изобрёл алфавит, – сказал мистер Хольман с полуулыбкой и поднёс ко рту трубку.

– Верно, сэр, – немного обиженно проговорил я, – ведь алфавит был изобретён много веков назад.

Пастор выпустил несколько клубов табачного дыма:

– Во всяком случае, ваш отец, должно быть, недюжинный человек. Однажды я и впрямь о нём слышал. Среди людей, живущих в пятидесяти милях отсюда, не много найдётся таких, чья слава достигла Хитбриджа.

– Он в самом деле человек незаурядный. Так говорю не только я, но и мистер Холдсворт, и все...

– Кузен Пол прав, что хвалит своего отца, – вмешалась Филлис, словно бы оправдывая меня.

От её слов я почувствовал досаду: похвалы отцу не требовались. Его дела говорили за него сами.

– Конечно, прав, – спокойно произнёс мистер Хольман. – Потому что говорит от чистого сердца и притом, я убеждён, нисколько не противоречит истине. Уверен, твой кузен не из тех юнцов, что кричат, как петухи, о богатстве и славе родителей лишь затем, чтобы распушить собственный хвост. Я надеюсь однажды познакомиться с вашим отцом.

Сказав так, пастор посмотрел на меня открыто и сердечно, но я в ту минуту сердился и едва ли это разглядел. Вскоре хозяин дома докурил трубку, поднялся и покинул комнату. Филлис отложила работу и вышла за ним следом. Через минуту или две она возвратилась и снова села. Прежде чем ко мне успело вернуться доброе расположение духа, дверь открылась, и мистер Хольман пригласил меня к себе. Пройдя по узкому выложенному камнем коридору, я очутился в странной комнате не более десяти футов площадью и с множеством углов – не то приёмной, не то кабинете. Окна выходили на задний двор. Обстановка состояла из письменного стола, конторки, плевательницы, нескольких полок со старинными богословскими книгами и одной – с книгами о кузнечном ремесле, содержании скота, унавоживании земли и тому подобных предметах. Маленькие листки с заметками были припечатаны к белёным стенам сургучом либо пришпилены гвоздями или булавками – словом, тем, что попадалось хозяину под руку. На полу я увидел ящик с плотницкими инструментами, а на столе – какую-то стенографическую рукопись.

Мистер Хольман обернулся ко мне и, полусмеясь, сказал:

– Моя глупенькая дочь думает, будто я вас обидел, – при этих словах он опустил мне на плечо свою мощную длань. – «Ну что ты! – говорю я ей.

– Добросердечно сказанное добросердечно принято». Разве не так было дело?

– Не вполне, сэр, – ответил я, подкупленный его тоном. – Но впредь будет так.

– Вот и славно. Мы с вами подружимся. Кстати сказать, в эту комнату я привожу немногих. Но нынче утром я читал одну книгу и кое-чего в ней не понял. Подписывался я не на неё, а на проповеди брата Робинсона, но рад был, когда по ошибке прислали этот том. Проповеди, знаете ли... Ну да не берите в голову. Я приобрёл обе книги, хоть и пришлось для этого немного повременить с пошивом нового сюртука. Что ни попадает в сеть, всё рыба. У меня больше книг, чем досуга, однако аппетит к чтению я имею отменный. Вот он, этот том.

Мистер Хольман протянул мне серьёзный труд по механике, в котором много было технических выражений и сложных математических формул. Математика, к моему удивлению, не затруднила пастора. Он попросил меня лишь разъяснить ему термины, что я с лёгкостью исполнил.

Пока хозяин отыскивал в книге непонятные ему места, мой блуждающий взгляд упал на одну из прикреплённых к стене записок. Не справившись с искушением, я прочёл её и по сей день помню прочитанное. Сперва я подумал, что хозяин дома указал в листке житейские дела, которые положил переделать за неделю, но это оказался план, где каждый день отводился для особой молитвы: в понедельник пастор молился о ближних, во вторник – о врагах, в среду – обо всех общинах конгрегационалистов, в четверг – о прочих церквях, в субботу – о страждущих, в воскресенье – о возвращении заблудших и грешных на путь истинный.

К ужину нас вновь пригласили в столовую. Дверь в кухню открыли, и все, кто был в двух комнатах, поднялись со своих мест. Мистер Хольман, высокий и могучий, стал у накрытого стола и, положив на него одну руку, а другую подняв, произнёс:

– Едим ли мы, пьём ли или иное что делаем, всё делаем во славу Божию⁸.

Голос пастора был так глубок и сочен, что ему не пришлось его возвышать. Не услышал я и гнусливости, которую иные люди отождествляют с набожностью.

Ужин состоял из огромного мясного пирога. Вначале его подали нам, сидевшим в столовой, затем хозяин один раз ударил по столу роговой рукояткой разделочного ножа и сказал: «Теперь или никогда». Это было предложение прибавка, от которого мы все отказались, словами или молчанием, после чего мистер Хольман стукнул ножом дважды, и Бетти, вошедшая в открытую дверь, унесла блюдо в кухню, где его дожидались двое работников, старый и молодой, да девушка-служанка. Когда пастор попросил затворить и просьба его была исполнена, хозяйка, обратившись ко мне, с видимым удовольствием пояснила:

– Это в честь вашего прихода. Если у нас нет гостей, мистер Хольман оставляет дверь открытой и беседует с людьми, как со мною и Филлис.

– Так мы объединяемся, чтобы почувствовать себя одной семьёй, перед тем как собраться на семейную молитву, – промолвил пастор. – Но о чём мы с вами говорили? Ах, да, не посоветуете ли вы какую-нибудь нетрудную книгу по динамике, которую я мог бы носить с собою в кармане и почитать на досуге?

– На досуге? – произнесла Филлис с самым близким подобием улыбки, какое мне до сих пор случалось видеть на её губах.

– Да, дочь моя, на досуге. Ожидая других людей, мы теряем множество минут. Между тем до нас добралась железная дорога, и нам пора кое-что о ней узнать.

Я вспомнил, как сам пастор сказал о своём «отменном аппетите» к чтению. Его аппетит к пище материальной тоже показался мне недурным, однако, очевидно, в употреблении кушаний и напитков он ограничивал себя неким правилом.

Когда с ужином было покончено, все обитатели дома собрались для продолжительной импровизированной молитвы. Многое показалось бы мне в ней неясным, если бы я не знал хотя бы частью, как молящиеся провели истекший день. То, что я увидел в поле и на ферме, помогло мне понять смысл разрозненных фраз, которые произносил священник. Он стоял на коленях посреди круга, закрыв глаза и подняв сложенные ладонями руки, до тех пор пока молитва не завершилась благословением присутствовавших. Временами пастор надолго замолкал, а затем вспоминал ещё о чём-то, что желал, по собственному его выражению, «изъявить Господу». К моему удивлению, он молился не только о человеческих существах, но и о животных. Мысли мои стали рассеиваться, и лишь название знакомых мне имен заставляло меня вновь сосредоточиваться.

Особо следует упомянуть слова, произнесённые мистером Хольманом перед окончанием молитвы, незадолго до того как Бетти проснулась (она сладко спала, опустив усталую голову на сильные предплечья) и все мы поднялись на ноги. Священник, продолжая стоять на коленях, но открыв глаза и уронив руки, обратился к престарелому работнику, который, тоже не вставая, повернулся к нему и слушал:

– Джон, позаботься о том, чтобы Дейзи дали сегодня тёплого пойла, ибо, прося о достижении цели, мы позабыли о средствах... Две кварты жидкой овсяной каши, ложку имбиря, четверть пинты пива – бедной скотине это нужно, а я тебе не сказал. Не гоже просить благополучия у Господа, когда сам не сделал того, что в человеческих силах, – заключил пастор, понижая голос.

Перед отходом ко сну мистер Хольман сказал мне, что до конца моего пребывания на Хоуп-Фарм, то есть до вечера воскресенья, он едва ли меня увидит, ибо всегда посвящает субботу и воскресный день своему пастырскому служению. Я тотчас вспомнил слова, сказанные мне хозяином постоялого двора, когда по поручению матушки я спросил у него о наших род-

⁸ Видоизменённая цитата из Первого послания к Коринфянам святого апостола Павла (гл. 10, ст. 31).

ственников. Услышанное от мистера Хольмана не огорчило меня: я обрадовался возможности поближе узнать пасторшу и её дочь, хоть и опасался, что последняя станет экзаменовать меня в древних языках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.